

способы рассуждений, т.е. как раз то, что и обозначают термином «эпистемология». В свете этого интересующий нас вопрос можно сформулировать так: действительно ли изменения в содержании современного научного знания (и если да, то какие) требуют изменений в эпистемологии, т.е. трансформации структуры нашего мышления?

Возможно, одно из преобразований такого масштаба принесла с собой квантовая теория. Заключается оно в том, что в этой теории, точнее в ее стандартной интерпретации, впервые в новоевропейской науке подвергся сомнению и даже отрицанию один из основополагающих законов нашего мышления — закон достаточного основания. Здесь не место подробно обсуждать этот вопрос. Приведем лишь один аргумент для подтверждения сказанного. Известно, что квантовая теория в своей стандартной интерпретации не дает объяснения тому, почему один из атомов, в упаковке атомов радиоактивного урана, распадается в данный момент, а другой — пролежит не распавшимся еще тысячи лет. Причем, как отмечал один из творцов квантовой механики Р.Фейнман, этого не знает не только познающий субъект, но и сама Природа. Вдумаемся в эти слова. Если бы причины и основания такого вероятностного поведения радиоактивного атома знала Природа, то была бы надежда на то, что и человек когда-либо сможет это понять и объяснить. Но утверждение о том, что Природа не знает причин рассматриваемого явления, равносильно тому, что никаких разумных оснований для такого поведения квантовых объектов не существует. А это и означает отказ от принципа достаточного основания. Таких эпистемологических потрясений не знала новоевропейская наука со времени своего возникновения. Пожалуй, оно было сродни только великой догадке Эпикура о случайном, спонтанном отклонении атомов от их траекторий, которое, как он полагал, ведет к возникновению новых миров. Эта мысль Эпикура, как известно, не была признана философским сообществом его времени, и из-за своей парадоксальности она много веков подвергалась сомнению и осмеянию. Но ведь и

стандартная интерпретация квантовой теории признается далеко не всеми физиками и методологами. И немаловажную роль играет при этом как раз рассматриваемая особенность квантово-механического описания реальности. Отказ от поисков разумных оснований поведения микрообъектов является источником интеллектуального дискомфорта для многих ученых и служит стимулом к поискам и разработкам новых интерпретаций квантовой теории.

Создание квантовой теории расценивается как революция в физике. Говоря о релятивистской физике, ее создатель А.Эйнштейн отмечал, что он не считает ее появление научной революцией, поскольку полагает, что она является естественным продолжением и завершением работы М.Фарадея, Дж.Максвелла и Г.Лоренца, т.е. завершением классической физики⁴. В то же время, рассматривая изменения, которые принесла с собой квантовая механика, Эйнштейн характеризовал их как кризис в науке: «Казалось, что почва выбита из-под ног...», — писал он, почти повторяя приведенные выше слова Гейзенберга⁵. Верно, что релятивистская физика отвергла классические представления о пространстве и времени, отказалась от понятия абсолютной одновременности и т.п. Но существенных изменений в эпистемологию она, в отличие от квантовой теории, не внесла, что и дало повод Эйнштейну не приписывать теории относительности статус радикально революционной теории.

У эпистемологии свой предмет исследования. Она изучает такие вопросы, как пути и способы познания мира, вопрос о природе научного знания и его отношении к реальности. Ее предметом является проблема объективности (истинности) знания, вопрос о критериях такой истинности. В ее задачу входит исследование путей и средств достижения адекватности знания реальному положению дел в мире. Эпистемология исследует проблему субъект-объектных отношений в научном познании, вопрос о предпосылках познавательной деятельности человека, о границах научного познания.

Данная работа не ставит своей задачей анализ всех теоретико-познавательных проблем современной науки⁶. Это не под силу одному исследователю, да еще в рамках одной небольшой по объему книги. Из всего спектра эпистемологических проблем нас будет интересовать только один, тот, который связан с проблемой объективности современного научного знания. В основании утверждения, что классическая эпистемология не адекватна современной науке, прежде всего лежит тезис о том, что классическая эпистемология признавала в качестве идеала научного познания объективность и истинность знания, в то время как современная эпистемология отказалась от него. (Немаловажную роль, как мы увидим, играет при этом опять-таки квантовая механика. Но об этом ниже.) Стало общим местом повторять, что истины больше не существует не только в мире политики или в мире морали: ее не существует и в научном познании, что с открытием множества культур люди поняли, что истина не одна, их много. Утверждают, что такое положение носит универсальный характер. В науке, так же как и в других сферах интеллектуальной деятельности людей, следует говорить не об истине, а только о существовании различных теоретических перспектив.

Можно без преувеличения утверждать, что вопрос об объективности научного знания, о его истинности является центральным для современных дискуссий по поводу статуса науки и статуса классической эпистемологии. При этом неважно, обозначается ли он явно или же скрыт под покровом других проблем. Очевидно например, что обсуждение таких черт становящейся эпистемологии (на них указывает В.А.Лекторский в упомянутой выше работе, см. сноску 2), как антифундаментализм — отказ от поисков неизменных критериев научности; отказ от гиперкритицизма, под которым, в частности, понимается скептическое отношение к результатам деятельности других; своеобразный возврат к психологизму — невозможно без обращения к проблеме объективности знания.

Аналогичным образом обстоит дело с «не-монологичным» (и в этом смысле диалогичным) характером современного научного познания, на который указывают как на еще одну черту становящейся эпистемологии. Утверждают, что типичной в современной науке является ситуация сосуществования конкурирующих концепций, идей и теорий, для нее характерна острая борьба мнений. Все это верно, за исключением одного: дискуссии ученых, борьба мнений, соперничество научных школ и сосуществование конкурирующих теорий было характерно и для классической науки, и даже для науки античности и средневековья. Можно, пожалуй, утверждать, что в современной науке этот момент несколько усилился. Объяснить это можно тем, что современная наука вплотную подошла к решению очень сложных проблем, таких как вопрос о сущности и происхождении жизни, о происхождении Вселенной, о происхождении человека, о строении материи. Ответы на эти вопросы вряд ли будут получены в ближайшее время. Пока не существует (и в обозримом будущем не просматривается) необходимой опытной и экспериментальной основы для их решения. В отсутствие таковой открываются большие возможности для спекуляций, догадок, гипотез, носящих зачастую фантастический или полуфантастический характер. В этой последней своей особенности современное научное познание начинает даже напоминать умозрительную науку античности.

Однако в контексте обсуждаемой нами проблемы важно другое: насколько «гетерогенный», «диалоговый» характер науки изменяет ее эпистемологический статус. Если ведущиеся в научном познании дискуссии и споры имеют целью установление истины, это значит, что идеал объективности царит и в современной науке и в эпистемологическом плане ничего нового по сравнению с классической наукой не произошло. Некоторые исследователи феномена научного познания утверждают, тем не менее, что в отличие от классической науки, где диалог всегда превращался в монолог, т.е. некую, представлявшуюся ученым того вре-

мени единственно верную точку зрения, гетерогенный характер современной науки является «принципиальным». Он не превращается в монолог. Если это действительно так, если споры в науке ведутся просто «из любви к искусству», то ситуация на самом деле изменилась драматически, и мы должны признать правоту релятивизма и согласиться с мнением об ограниченности и даже неприменимости в современной ситуации классической эпистемологии.

Так объективность или релятивизм? Именно этот вопрос и станет предметом рассмотрения в данной работе.

ГЛАВА 1. ОБЪЕКТИВНОСТЬ И РЕЛЯТИВИЗМ: ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЙ

Три концепции объективности

Прежде всего, что такое объективность? Существуют различные интерпретации этого термина. Среди них — объективность как адекватность знания действительности; объективность как интересубъективность; объективность как объектность, т.е. возможность описать объект как он существует сам по себе, без отсылки к наблюдателю или прибору; объективность как незаинтересованность, незаангажированность исследователя, как свобода исследования от ценностных установок; объективность как приемлемость научных результатов для научного сообщества. Этот последний аспект объективности был выделен К.Поппером⁷. Суть его состоит в том, что научный результат, зафиксированный в соответствующем тексте, чтобы быть принятым сообществом ученых и быть включенным в корпус научного знания, должен пройти через горнило публичного обсуждения. Одной из отличительных черт науки по сравнению с другими формами интеллектуальной деятельности людей является, полагает Поппер, критицизм. Науке свойствен дух критицизма. Объективность как доступность текста для публичного обсуждения полностью соответствует духу научности.

Остро дискутируемыми в настоящее время являются два понятия объективности.

1. Объективность как способность науки давать относительно истинное представление о действительности. Она имеет самое непосредственное отношение к проблеме эпистемологического статуса науки, к вопросу о применимости

к научному познанию доктрины релятивизма и может быть квалифицирована как *эпистемологическая объективность*. В качестве противоположной установки ей противостоит эпистемологический релятивизм.

2. Объективность как беспристрастность исследователя, его незаангажированность, как свобода от ценностей, как ценностная нейтральность науки. Она имеет отношение к вопросу о социальном и ценностном статусе науки. Критики науки, не принимая претензий естествоиспытателей на такую объективность, характеризуют ее как «равнодушие» к человеку. Они усматривают в провозглашении ценностной нейтральности науки стремление ученых отказаться от решения моральных проблем, в частности тех, которые возникают в связи с технологическим использованием научных открытий. Лозунг свободы от ценностей они трактуют как попытку ученых спрятаться в башне из слоновой кости и сделать вид, что они не несут никакой ответственности за негативные последствия научных открытий.

Традиционно считалось, что наука, по крайней мере фундаментальная, является ценностно нейтральной. Но в последние годы высказывается мнение, что ценностная нейтральность науки — это миф; что наука ценностно (в частности, этически) нагружена; что башни из слоновой кости больше не существует; что фундаментальная наука несет такую же ответственность за деструктивные приложения научных открытий, как и прикладная.

Нас в данной работе будет интересовать только *эпистемологическая объективность*, поскольку именно она подвергается нападкам релятивистов, и тезис о том, что научное знание объективно, противостоит доктрине релятивизма.

Эпистемологическая объективность

Эпистемологическая объективность может быть определена как адекватность знания действительности. Тезис о том, что научное познание может добывать объективное зна-

ние, в свою очередь, предполагает, что в нем существуют и работают критерии, на основании которых можно судить, является ли теория (относительно) истинной или ложной.

Эпистемологическую объективность следует отличать от реализма — представления о том, что постулируемые в теории в качестве реально существующих онтологические сущности действительно существуют. Хотя понятия реализма и объективности связаны между собой, они относятся к двум разным аспектам научного знания. Можно быть реалистом относительно теоретических сущностей, таких как, скажем, атом, элементарная частица, кварк и т.п., и тем не менее считать, что существующие теории, описывающие эти объекты, не являются истинными, и строить другие теории. И напротив, можно полагать, что та или иная теория верна, и вместе с тем отрицать реальное существование постулируемых в ней сущностей. (Вспомним Э.Маха, отрицающего существование атомов!)

Наблюдается разнობой в понимании того, что такое эпистемологическая объективность. Многие авторы называют то, что выше было охарактеризовано как эпистемологическая объективность, реализмом. Так, известный философ науки Я.Хакинг, обсуждая проблему реализма, говорит о существовании двух типов реализма: «реализм относительно теорий» и «реализм относительно объектов»⁸. Он конкретизирует эти два понятия следующим образом: «Реализм относительно теорий говорит о том, что целью теорий является истина, и иногда они приближаются к ней. Реализм относительно объектов говорит о том, что объекты, упоминаемые в теории, должны действительно существовать»⁹. Очевидно, что мы определяем первый тип реализма как эпистемологическую объективность научного знания, а второй — как реализм.

Другой известный философ науки Дж.Р.Браун определяет реализм как доктрину, согласно которой «наука является более или менее успешной в описании того, каков мир в действительности»¹⁰. Раскрывая суть реализма, Браун формулирует три тезиса: «1) Цель науки — давать истинное (или

относительно истинное) описание реальности; эта цель реализуема, поскольку 2) научные теории либо истинны, либо ложны; их истинность или ложность является буквальной, а не метафорической: она никак не зависит от нас, или от нашего способа проверять теории, или от структуры нашего мышления, или от общества, в котором мы живем и т.д. 3) существуют критерии истинности теории...»¹¹.

Если читатель сравнит это определение реализма с определением эпистемологической объективности как оно дано в нашей работе, он увидит, что с нашей точки зрения Браун говорит именно об объективности, а не о реализме. И, кстати, о том понятии объективности, которое существовало в классической эпистемологии.

Мы не будем входить в дискуссии по поводу определения понятий «объективность» и «реализм». И в данной работе совсем не будем касаться проблемы реализма. Нас будет интересовать не реализм, а объективность знания. Вместе с тем, настаивая на данном нами определении понятия «эпистемологическая объективность» и на том, что наша работа будет посвящена только этой объективности, мы руководствуемся отнюдь не соображениями вкуса или личных пристрастий. Наш выбор продиктован следующими соображениями. Как утверждается во многих работах, посвященных дискуссиям в современной эпистемологии по поводу статуса науки, в этих дискуссиях обозначились две противоположные позиции: *объективизм (фундаментализм)* и *релятивизм*. Так что за объективизмом и объективностью уже закрепился определенный смысл как понятий, противостоящих релятивизму в трактовке научного знания. Поскольку данная работа посвящена конфронтации доктрин объективности и релятивизма (определение релятивизма будет дано чуть ниже), вполне естественно под объективностью понимать те черты научного знания, которые противостоят релятивистской его трактовке и позволяют показать несостоятельность эпистемологического релятивизма. Представляется, что это как раз те черты, которые Я.Хакинг и Дж.Браун

обозначают термином «реализм». Так что с этой (и только с этой точки зрения) мы, в нашей заочной полемике с Я.Хакингом и Дж.Брауном, правы.

Понятие эпистемологического релятивизма

Эпистемологический релятивизм можно определить как доктрину, согласно которой среди множества точек зрения, взглядов, гипотез и теорий относительно *одного и того же объекта* не существует *единственно верной*, той, которая может считаться адекватной реальному положению дел в мире. Да и искать ее не нужно, полагают релятивисты, поскольку все эти точки зрения и все эти теории являются равноправными и равноценными. Поскольку к некоторым типам интеллектуальной деятельности людей, (например к искусству), идея равноценности различных направлений и течений оказывается применимой, очевидно, что в основании доктрины релятивизма лежит стремление отрицать наличие у науки особого эпистемологического статуса, на котором настаивала классическая эпистемология.

Релятивность и релятивизм

Иногда смешивают и отождествляют понятия *релятивизма* и *релятивности*. Между тем, это разные понятия. *Релятивность* — это относительность наших знаний к той или иной парадигме или культуре, к тому или иному типу рациональности, в рамках которых это знание возникает и функционирует. Релятивность, конечно же, присуща научному знанию. Известно, например, что в различных культурах, на разных этапах развития науки существовали различные понятия числа, так же как и различные концепции атомистики. Релятивность превращается в *релятивизм*, когда утверждают, что концепции числа или концепции атома, сформу-